

Кому за махоркой идти

Послал в летнее время фельдфебель трех солдатиков учебную команду белить. "Захватите, ребята, хлеба да сала. До вечера, поди, не управитесь, так чтобы в лагерь зря не трепаться, там и заночуете. А к завтраму в обед и вернитесь!"

Ну что ж! Спешить некуда: свистят да белят, да цыгарки крутят. К вечеру, почитай, всю работу справили, один потолок да сени на утреннюю закуску остались. Пошабашили они, лампочку засветили. Сенники в уголке разложили, - прямо как на даче расположились. Начальства тебе никакого, звезда в окне горит, сало на зубах хрустит, - полное удовольствие.

Подзакусили они, подзаправились. Спать не хочется, - соловей над гимнастикой со двора так и заливается, прохлада из сеней волной прет. Порылись они в кисетах-карманах, самое время закурить, - ан табаку ни крошки!..

Вот один солдатик и говорит:

- Что ж, голуби, обмишулились мы, соломки из тюфяка не покуришь... Без хлеба обойдешься, без табаку - душа горит. Придется нам в город в лавку идти, час еще не поздний.

Второй ему свой резон выставляет:

- На кой ляд всем троим две версты туды-сюды драть. Мало-ль мы на службе маршируем?.. Давайте на узелки тянуть, - кому выйдет, тот и смотается.

А третий, рябой, свой план представляет:

- Время терпит. Узелки, братцы, вещь пустая. Давайте-ка лучше сказки врать. Кто с брехни собьется, на настоящую правду свернет, тому и идти...

На том и порешили.

Умостились они на сенниках, сапоги сняли, ножки подвернули, первый солдатик и завел:

- В некотором полку, в некоторой роте служил солдат Пирожков, из себя бравый, глаз лукавый, румянец - малина со сливками. Служил справно, - все приемы так и отхватывал, винтовка в руках пташкой, честь отдавал лихо, - аж ротный кряхтел... Однако ж, был у него стручок: чуть в город его уволят, так он к бабьей нации и лип, как шмель к патоке. Даже до чрезвычайности!.. Не

перебивайте-ка, братцы, спервоначалу будто и правда обозначается, а сейчас чистая брехня и пойдет... Встретился Пирожков как-то на гулянке в городской роще с девицей одной завлекательной, - поведения не то чтобы легкого, не то чтобы тяжелого, середка на половинке. Сели они на травке, - цветок сбоку к земле клонится, девушка к цветку, Пирожков к девушке, - подмышку ее зажал, аж в нутре у нее хрустнуло. Однако ж, не на ангела напал, - вывернулась рыбкой, да как двинет локтем под жабры, - так Пирожков и ёкнул.

- Что ж, - говорит солдат, - ужели тебя, девушку, в невинном виде и поцеловать нельзя?

А она, известно, осерчавши, потому что блузка у нее от солдатского усердия лопнула, сатин по шесть гривен аршин:

- Тогда, - говорит, меня поцелуешь, когда командир полка перед тобой во фронт станет!

Да с тем юбку в зубки, в кусты и улетела...

Вертается солдат в роту, - дюже его задело... То да се, занятия начались, дошло до отдания чести, да как во фронт становиться... Новобранцев отдельно жучат, - кто ногу не доносит, кто к козырьку лапу раскорякой тянет, - одновременности темпа не достигают. А старослужащие ничего: хлоп-хлоп, один за другим так и щелкают.

Дошло до Пирожкова, - экая срамота. Лихой солдат, а тут, как гусь, ногу везет, ладонь в разнобой заносит, дистанции до начальника не соблюдает, хочь брось. А потом и совсем стал, - ни туда, ни сюда, как свинья поперек обоза. Взводный рычит, фельдфебель гремит. Ротный на шум из канцелярии вышел: что такое? Понять ничего не может: был Пирожков, да скапутился. Хочь под ружье его ставь, хочь шварки из него топи, - ничего не выходит. Прямо, как мутный барбос...

Фельдфебель тут к ротному подскочил, на ухо докладывает:

- Образцовый солдат был, ваше высокородие... Чистая беда! Придется его, видно, в комиссию послать, видно, у него мозговая косточка заскочила. Подумал ротный, в усы подышал:

- Повременить придется. Авось очухается... Ужель такого солдата лишаться? В город его только нипочем не пущать, а то он, во фронт становясь, начальника дивизии с ног собьет, всю роту испохабит.

Время бежит. Пирожков ничего, тянется, по всем статьям первый, кроме того, чтобы во фронт становиться. Как занятия, - его уж насчет этого и обходили: что ж зря камедь ломать, дурака с ним валять.

Ан тут-то и вышло. Нежданно-негаданно завернул в роту полковой командир. Ногти солдатские обсмотрел, сборку-разборку винтовки проверил. А потом и отдавание чести. Стал сбоку монумент-монументом, солдатики так один за другим перед ним и разворачиваются, знай только перстом знак подавай: "проходи который"... Видит полковник, все прошли, один бравый солдат по-за койкой столбом стоит.

- А это что за принц такой? Пятки у него, что ли, стеклянные? А ну-кась, выходи, яхонт!

Подлетает тут ротный, - так и так, да все насчет солдатской мозговой косточки и выложил. Как загремит командир полка, аж все голуби с каланчи, супротив роты, послетали:

- Какая там косточка! Показывать не умеете!.. Растяпа разине на ухо наступил! Я ему эту косточку в два счета вправлю. Эй, орел, подика-сь сюда! Стань на мое место! Вот я тебе сам покажу.

Отошел командир полка подальше, да как стал шаг печатать, так по стеклам гулкий ропот и прошел... Ать-два! На положенной дистанции развернулся перед Пирожковым, каблук к каблуку, руку к козырьку. Красота!

- Понял? - спрашивает.

- Так точно, ваше высочорodie!

- А ну-ка, сделай сам!

Ахнул тут и Пирожков: шаг в шаг, плечики в разворот, хлопнул во фронт перед командиром, да так отчетисто, чище и в гвардии не сделаешь...

- Ну, вот! - говорит командир. Видали? Показать только надо, как следует!..

Удобрился он тут до Пирожкова, как мачеха до пасынка, приказал его для разминки в город до вечера отпустить. А тому только того и надо. Пришел скорым шагом в рощу, походил, побродил, разыскал свою кралю...

Дале что ж и говорить... Пришлось ей белый флаг выкинуть, на полную капитуляцию сдаться, потому условие он честно сполнил, - бабьей их нации сто батогов в спину! Так-то вот, братцы, - а за табачком-то идти не мне...

Крякнул второй солдат, начал свое плести:

- Жила у нас на селе бобылка, на носу красная жилка, ноги саблями, руки граблями, губа на губе, как гриб на грибе. Хатка у нее была на отлете, огород на болоте, - чем ей, братцы, старенькой, пропитаться?.. Была у нее коровка, давала - не отказывалась - по ведру в день, куда хошь, туда и день. Носила бабка по дачам молоко, жила ни узко, ни широко, - пятак да полушка, толокно да ватрушка.

Пошла как-то коровка в господские луга - на тихие берега, нажралась сырого клевера по горло, брюхо-то у ей, милые вы мои, и расперло... Завертелась бабка, - без коровки-то зябко, кликнула кузнеца, черного молодца... Колот он корову шилом, кормил сырым мылом, лекарь был хоть куда, нашему полковому под кадриль. Да коровка-то, дура, упрямая была, - взяла да и померла.

Куда тут, братцы, деваться, - чем ей, старенькой, пропитаться? Наложила она полное решето мышей, надоила с них пять полных ковшей, стала опять разживаться...

Ан тут, в самые маневры, зашли к ей лихие кавалеры, . господа молодые офицеры:

- Нет ли у тебя, бабушка, молочка, заморить пехотного червячка? Пока полевая кухня подойдет, кишка кишку захлестнет...

Поскребла бабка загривок, дала им жбан мышиных сливок. Выпили, поплевали, в донышко постучали, да и в сарае спать завалились. Только глаза завели, слышат - мыши в головах заскребли, скулят-пищат, горестно голосят:

- Что ж это за манеры, господа офицеры? Бабка нас дочиста выдоила, молоком нашим вас напоила, а мышата наши голодом сидят, гнилую полову лущат... Благородиями называетесь, а поступаете неблагородно.

Приклонил тут старший офицер ухо к земле, поймал старшую мышь в золе, посадил на ладонь да и спрашивает:

- Что ж нам, пискуха, делать? Платили за коровье, выпили на здоровье, ан вышло - мышье. Мы тому не повинны...

Старшая мышь и говорит:

- А вы, ваши высокородья, пожалейте наше отродье. Деньги-то у вас военные - пролетные, люди вы молодые - беззаботные. Соберите в фуражку по рублю с головки, старушке на коровку...

Ну-к что ж... Офицеры - народ веселый, завернули полы, набросали в фуражку с полсотни бумажек, старушке поднесли да и прочь пошли.

С той поры, братцы, мышей в деревне развелось, хочь брось... Кто всех сочтет, тот за табачком и пойдет.

Третий, рябой, принахмурился, соломинку из тюфяка перекусил, начал:

- Не с чего, так с бубен... Прикатил, стало быть, дагестанский прынец в наш полк для парадного знакомства. Повезли его в тую ж минуту в офицерское собрание господ офицеров представлять. Глянул кругом полковой командир, брови нахохлил, полкового адъютанта потаенным басом спрашивает:

- С какой-такой стати все младшие офицеры тут, а ротных командиров будто пьяный бык языком слизал?

Полковой адъютант с ножки на ножку переступил и вполголоса рапортует:

- Все, господин полковник, по неотложным делам отлучившись. Первой роты командир под винтовкой стоит, - тетка его за разбитый графин поставила, второй роты - бабушку свою в Москву рожать повез; третьей роты - змея на крыше по случаю ясной погоды пускает; четвертой роты - криком кричит, голосом голосит, зубки у него прорезываются; пятой роты - на индюшечьих яйцах сидит, потому как индюшка у него околевши; шестой роты - отца дьякона колоть чучело учит; седьмой роты - грудное дитё кормит, потому супруга его по случаю запоя забастовала...

- Стой! - закричали земляки. - Вот и проштрафовался...

- Как так проштрафовался?

- А разве ж ты, моржовая твоя голова, не знаешь, что завсегда, как седьмой роты командирова супруга в запой войдет, - их высокородие свое дитя самолично из рожка кормит?.. Дуй скорей за махоркой, а то из-за брехни твоей и так припоздали!.